

Сегодня был конец месяца, нужно было идти в город. Вчера они уже договорились, что пойдут все вместе. Цзян Сяосань уже один раз бывал в городе и теперь был опытным. Не дожидаясь указаний Цзян Сяои, он сразу после завтрака сам усадил Бай Цзыму в свою маленькую корзину и с сияющими глазами посмотрел на старшего брата.

Цзян Сяои в это время в главной комнате упаковывал перец. На огороде выросло много перца, съесть всё они не могли. Вчера вечером Цзян Сяои собрал больше половины корзины, собираясь сегодня продать. Перец, в отличие от других овощей, не вянет за ночь. Если высыпать собранный перец на бамбуковую циновку и проветрить, на следующее утро он будет выглядеть как свежесорванный.

Белый сахар был дороже риса. Кроме как добавлять немного в кашу, Цзян Сяои не решался его трогать. Он спрятал несколько пакетов сахара на дно корзины, собираясь сегодня продать их и выручить немного денег. Отец Цзян должен был идти на подённую работу в семью Ли, поэтому он пошёл с ними к выходу из деревни.

— Вчера так много перца собрали? — с удивлением спросил отец Цзян, неся на руках Цзян Сяоэра.

Этот перец Цзян Сяои принёс вчера, и отец сам высыпал его сушиться. Тогда было не больше половины корзины, а сегодня как будто стало больше.

Цзян Сяои, не моргнув глазом, соврал:

— ...Я сегодня утром ещё немного собрал.

— Вот как, — улыбнулся отец Цзян. — А я уж подумал, что этот перец сам по себе размножается.

Цзян Сяои промолчал. «...»

Сегодня снова был базарный день. Доктор Цзян не зря назначал Цзян Сяоэру приходить в середине и конце месяца — он всё рассчитал. В Пинъяне базар бывал раз в три дня, и деревенская воловья повозка ходила в город только по этим дням. Доктор Цзян подумал, что так Цзян Сяои будет удобнее, если ему нужно будет продать овощи или воспользоваться повозкой.

В лечебнице Цзян Сяоэр был не таким, как обычно. Он улыбался. Сегодня с ним были не только младший брат и Мишка, но и сладкие молочные конфеты. Цзян Сяоэр был так счастлив,

что не то что уколов не боялся — его можно было хоть на плаху вести, он бы и не пикнул.

Цзян Сяосаню в прошлый раз в лечебнице было скучно. Теперь он хотел пойти с Цзян Сяои продавать овощи. Цзян Сяои подумал, что Цзян Сяосань и правда непоседа, а Цзян Сяоэру после уколов нельзя было двигаться, так что играть с ним он не сможет, и оставаться здесь ему будет тоскливо. Он оставил Бай Цзыму с Цзян Сяоэром, а сам повёл Цзян Сяосаня на рынок.

Домашнюю птицу, овощи и горные продукты обычно продавали на Западной улице. Вдоль всей улицы тянулись ряды маленьких лотков, расставленных крестьянами. Кто-то продавал овощи, кто-то — фрукты и яйца, а кто-то — свои соленья. В общем, лотков было много, и торговали все разным.

Многое из того, что продавали, Цзян Сяосань видел впервые. Цзян Сяои вёл его за руку, а он вертел головой по сторонам. Увидев старика, продающего скорпионов, он не испугался, а наоборот, сгорал от любопытства.

Они пришли поздно, и Цзян Сяои долго не мог найти места. Хорошие места давно заняли. Городские жители, в отличие от деревенских, не любят долго гулять по рынку, приезжая туда нечасто. Женщины, которые обычно ходят за продуктами, закупаются в основном в начале улицы. Они знают, какие овощи в какое время года бывают и сколько стоят, им не нужно бродить по всему рынку в поисках дешёвых товаров. Но были и те, кто постарше, любители потолкаться в толпе, кому дома нечем заняться. Они любили прогуливаться по улице, поэтому места в начале улицы всегда были самыми выгодными.

Цзян Сяои искал почти полчаса и наконец нашёл свободное место в начале улицы, перед какой-то бакалейной лавкой. Он достал из корзины мешковину, расстелил на земле и высыпал на неё перец.

Цзян Сяосань послушно присел рядом с ним, положив ручки на колени и задрав голову, разглядывал прохожих.

В это время года перца продавали много. Он просидел на корточках так долго, что у него затекли ноги, а покупателей всё не было. Цзян Сяосань, насмотревшись на людей, заскучал. Он видел, что у других хоть что-то покупают, а их перец никому не нужен. Он расстроился.

— Старший брат, почему никто не покупает наш перец?

Если перец не продать, не будет денег. Если не будет денег, не на что будет купить рис, и придётся голодать. Цзян Сяосань надул губки.

Цзян Сяои часто торговал овощами и сталкивался с разными ситуациями. Иногда он продавал полдня, срывая голос, но не мог продать ни пучка. А иногда везло, и всё раскупали. Опыта у него было много, поэтому он относился к этому спокойно.

— Ничего, если не продадим, унесём домой.

Перец — не капуста, которая, если не продашь и не съешь, сгниёт. Перец можно засушить или замариновать на зиму. В любом случае, он не пропадёт.

Цзян Сяои боялся, что у брата затекут ноги, дал ему кусочек пряной полоски и велел сесть на ступеньку у бакалейной лавки.

Ближе к полудню у их лотка наконец появился покупатель. Это был лавочник из соседней бакалейной лавки. Увидев Цзян Сяои с маленьким мальчиком, очень похожим на него, он решил, что это отец и сын.

— Уважаемый фулан, почём ваш перец?

— ...Пять вэней за цзинь. Дядя, не хотите ли взять немного? — ответил Цзян Сяои.

Пять вэней, хоть и дороже, чем капуста или вигна, но для перца в это время года — обычная цена.

Лавочник нахмурился.

— Скинь немного. — Он присел на корточки и начал перебирать перец, то говоря, что он недостаточно крупный, то — что недостаточно красный, и настойчиво просил Цзян Сяои уступить в цене.

Цзян Сяои спросил, много ли он собирается брать. Лавочник кивнул, и Цзян Сяои сказал, что тогда может отдать по четыре вэня.

Перец мог храниться несколько дней, не портясь, и лавочник хотел купить немного, чтобы продавать у себя в лавке.

Цзян Сяои обрадовался и поспешно начал взвешивать. Вышло двадцать три цзиня. Лавочник отдал деньги и указал на корзину рядом с Цзян Сяои.

— У меня в лавке не во что положить. Отдай мне эту корзину. — Сказав это, он встал и протянул руку, чтобы взять её.

Корзина стоила немного, их делал отец Цзян. Отдать было не жалко. Цзян Сяои не возражал и достал из неё сахар. Лавочник, увидев сахар в его руках, вытаращил глаза.

Сначала он подумал, что это крупная соль, но у крупной соли гранулы были больше, а у мелкой

— не такие крупные.

— Это... сахар?

— Угу, — кивнул Цзян Сяои.

Лавочник не поверил. В его лавке продавалось всякое, в том числе и сахар, но такого белого он никогда не видел. Он спросил, можно ли попробовать.

Один пакет был уже вскрыт. Утром, когда Цзян Сяои укладывал его в корзину, он хотел было взять другой, но Бай Цзыму сказал, что у них дома нет банки для хранения, а белый сахар они едят редко. Если не продать, он отсыреет от долгого лежания. Поэтому Цзян Сяои взял его с собой. Сейчас он насыпал немного на ладонь лавочника.

Кристаллики сверкали. На вкус сахар был чисто сладким, без малейшей горечи. Вкус был даже чище, чем у рафинированного сахара.

Лавочник попробовал и через мгновение радостно спросил:

— Где ты такой купил?

— Это... родственники подарили, — после небольшой паузы ответил Цзян Сяои.

Лавочник подумал, что сахар очень хороший, и спросил, не продаёт ли он его.

Сахар и так предназначался для продажи. Цзян Сяои тут же кивнул.

— Продаю, продаю. Дядя, хотите купить?

Лавочник промолчал, смерив Цзян Сяои взглядом с головы до ног. Тот был одет небогато, в старую, поношенную одежду. Руки у него были грубые, тёмные, в шрамах и мозолях. Сразу видно, что из деревни. А деревенских, не видевших света, легче всего обмануть. Он сказал, что хочет купить, и что сахар хороший, он может дать за него сто вэней за цзинь. Он решил, что за такую цену этот фулан будет на седьмом небе от счастья.

Но Цзян Сяои нахмурился.

Обычный хороший сахар в лавках стоил столько же. Самый дорогой, рафинированный, стоил больше ста пятидесяти вэней за цзинь. Он его хоть и не покупал, но знал. Белый сахар был лучше рафинированного, а этот человек предлагал сто вэней за цзинь. Явно хотел его надуть.

— Что, ещё и мало? — сказал лавочник. — Этот сахар хоть и выглядит хорошо, но по вкусу сильно уступает рафинированному.

«Этот человек явно из бедной семьи, рафинированного сахара он точно не пробовал», — подумал он, искоса взглянув на Цзян Сяосаня, который, худенький и маленький, в такой же залатанной одежде, потел под солнцем. Лавочник улыбнулся.

— Я просто вижу, что ты, фулан, с ребёнком, нелегко тебе, вот и даю такую цену. Пойдёшь в другую лавку, тебе больше восьмидесяти вэней за цзинь не дадут.

Но Цзян Сяои не был простаком.

— За сто не продам, — соврал он. — Мой родственник сказал, что он его покупал по сто семьдесят с лишним вэней за цзинь!

Лавочник слегка прищурился. Раз тот знает цену, значит, у него уже есть свой расчёт. Будучи опытным торговцем, лавочник немного подумал и снова улыбнулся.

— Видно, я ошибся. Я никогда не видел такого сахара. Не думал, что он, хоть и не такой вкусный, как рафинированный, может стоять так дорого. Наверное, из-за того, что белый, цена и выше. Маленький фулан, заверни мне его.

Цзян Сяои внутренне обрадовался и поспешно подал ему сахар. Лавочник взял пакеты, но не спешил платить. Он спросил, где его родственник купил этот сахар, не мог бы он сказать.

Деревенские жители всегда завидовали горожанам, думая, что те хорошо живут, хорошо едят и хорошо одеваются, и им не нужно, как им, крестьянам, гнуть спину с утра до ночи. Но жизнь в городе тоже была непростой. За еду, питьё и даже за то, чтобы справиться нужду, нужно было платить. В деревне же овощи свои, вода из горного ручья, и экономная семья могла прожить на несколько вэней в день. Земля всегда под боком, и если быть трудолюбивым, всегда можно найти, что поесть. Не нужно беспокоиться, что дело не пойдёт или завтра не на что будет купить еды.

Торговля в бакалейной лавке у лавочника шла не очень хорошо. Только на Западной улице было несколько конкурентов. Такие лавки, как его, по сути, зарабатывали на разнице в цене. Например, корзины в его лавке стоили по десять вэней, а на рынке в базарный день старики продавали их по семь. Только тот, кому срочно нужно, заходил к нему в лавку. Обычные люди ждали базарного дня, чтобы сделать покупки.

Сегодня, как только пришёл Цзян Сяои, он его заметил. Видя, что перец у того не продаётся, он решил подождать до закрытия рынка, чтобы купить подешевле. Крестьянин, торопясь домой, наверняка продаст за бесценок. Он не ожидал такого приятного сюрприза.

Он раньше ездил за товаром в город-префектуру, но такого сахара не видел. Упаковка была странная, но красивая. Ни в одной лавке в городе такого сахара не было. Если бы он смог закупить такой товар, это был бы эксклюзив, и торговля пошла бы в гору, и арендную плату было бы чем платить.

Он был в предвкушении, но, увидев, что Цзян Сяои качает головой и говорит, что не знает, его лицо тут же вытянулось.

— Сказать не можешь? — спросил он.

«Конечно, не могу! Этот сахар Бай Цзыму достал из своего пространства. Я и сам с любопытством спрашивал его, откуда эти вещи, но он сказал, что они с неба падают. Явно неправду говорит».

Цзян Сяои не мог на это ответить. Лицо его стало крайне недовольным, но он, сдерживаясь, ещё некоторое время уговаривал Цзян Сяои, говоря, что тот купил у него столько товара, так что спросить — это ведь не преступление. И что тут такого, что он скрывает? Он даже предложил: «Скажешь мне, я тебе два вэня дам, а?»

Цзян Сяои всё равно качал головой.

Лавочник, испробовав и уговоры, и подкуп, и видя, что тот ни в какую не соглашается, почувствовал себя униженным. Его охватили гнев и досада. Он указал на Цзян Сяои.

— Скажешь или нет? Я с тобой по-хорошему говорю, а ты не ценишь.

Заметив, что что-то не так, вокруг начали собираться люди.

Цзян Сяосань подбежал и обхватил ногу Цзян Сяои, не сводя глаз с лавочника.

— Что тут происходит? — спросил кто-то.

Лавочник не ответил. Он так долго унижался, а этот парень, упрямый как осёл, ни в какую не поддавался. Всего лишь деревенщина, а так его унижил. Лавочник был в ярости, но понимал, что в этой ситуации он не прав, и если поднимется шум, ему же хуже будет. Он развернулся, чтобы уйти в лавку.

Цзян Сяои поспешно остановил его.

— Подождите, вы ещё не заплатили.

Перец — полкорзины, это двадцать с лишним цзиней. Белый сахар — один пакет примерно два цзиня, три пакета — шесть цзиней. Он уже отдал больше ста вэней, а теперь ещё нужно было выложить больше ляна серебра... Сегодняшняя выручка была всего десять с лишним вэней.

Лавочнику стало жалко денег, и он не хотел платить. Он посмотрел на Цзян Сяои. Этот фулан выглядел так, будто в его доме мышь повесилась от голода. Могли ли у него быть такие родственники, которые дарили бы ему по несколько цзиней сахара?

«Маловероятно. Деревенские, навещая родственников, если и приносят в подарок цзинь солодового сахара, это уже считается щедростью».

«И к тому же, он упорно не говорит, где этот сахар продаётся. Может быть...»

Брови лавочника дёрнулись, и он вдруг улыбнулся. Он подошёл к Цзян Сяои и прошептал:

— Этот сахар... нечистого происхождения, да?

Лицо Цзян Сяои резко изменилось.

Видя его реакцию, лавочник ещё больше уверился в своей правоте.

— Отпусти. Я сделаю вид, что ничего не знаю. Иначе... я пойду в управу.

Когда Цзян Сяои пришёл в себя, он понял, что тот, скорее всего, его проверяет. Посторонний не мог знать о Бай Цзыму. Он упрямо сказал:

— Я не воровал и не грабил. Можешь идти в управу. Ты взял мой сахар, ты должен заплатить.

Лавочник рассмеялся от злости и тут же громко закричал:

— Люди добрые, посмотрите! Этот человек украл сахар из моей лавки! Я пожалел его, видя, что он с ребёнком, не хотел поднимать шум, а он... — Он сделал паузу. — Посмотрите на него хорошенько. У этого человека руки нечисты. Впрямь, увидев его, держитесь подальше!

Цзян Сяои не ожидал такого поворота. Он затрясся от гнева, его лицо побагровело.

— Ты врёшь! Это мой сахар! Ты меня оклеветал!

Лавочник холодно хмыкнул.

— Ха, твой сахар? Ты выйди на улицу да посмотри на себя в лужу. Ты можешь себе позволить такой сахар?

Окружающие, услышав это и посмотрев на пакеты с сахаром в руках лавочника — белая пластиковая упаковка, сквозь которую было видно содержимое, — поверили ему. Сахар — вещь недешёвая. А этот фулан выглядел так, будто не мог себе его позволить. Большинство тут же поверило лавочнику. Теперь они смотрели на Цзян Сяои с насмешкой и презрением.

Кто-то сказал:

— Лавочник Сунь, вы слишком добры. Я бы на вашем месте сразу в управу пошёл!

— Точно, оставишь такого на свободе, он в следующий раз мою лавку обворует.

— Украсть сразу несколько цзиней, вот это наглость у фулана!

Глаза Цзян Сяои покраснели. Цзян Сяосань больше всего любил своего старшего брата. Он, как разъярённый бычок, бросился вперёд. Не успел Цзян Сяои ничего возразить, как тот с разбегу ударил головой лавочника Суня. Тот вскрикнул «ай-яй» и, отступив на два шага, замахнулся, чтобы ударить Цзян Сяосаня.

Цзян Сяои молниеносно среагировал, схватил Цзян Сяосаня, прижал к себе и тут же повернулся спиной.

Если бы лавочник Сунь ударил, пощёчина пришлась бы ему по спине. Но ожидаемой боли не последовало.

Воздух на мгновение застыл. Шумная до этого толпа вдруг затихла, словно нажали на кнопку «пауза». Все, будто чего-то опасаясь, замолчали. Цзян Сяои выпрямился, повернул голову и увидел, что лавочника Суня кто-то крепко держит, и тот не может пошевелиться.

Лавочник Сунь побледнел от боли. Человек сзади одной рукой сжимал его запястье, а другой — шею. Сила была ужасающей, ему показалось, что ему вот-вот сломают шею.

— Чёрт побери, кто... — прошипел лавочник Сунь, пытаясь вырваться.

Видя, что тот сильно дёргается, человек отпустил его. Освободившись, лавочник Сунь тут же разразился бранью и повернулся, чтобы посмотреть, кто посмел его тронуть, но чуть не врезался в стену из плоти.

Человек стоял очень близко и был, должно быть, очень высоким. Лавочник Сунь ростом был ему до груди. Повернувшись, он упёрся взглядом прямо в его грудные мышцы.

Этот человек был не просто высоким, он был огромным. Его грудные мышцы выпирали так, что казалось, одежда вот-вот лопнет. И что странно, казалось, эти мышцы жили своей жизнью. Когда лавочник Сунь посмотрел влево, левая мышца дёрнулась. Когда он покосился вправо, правая мышца подпрыгнула.

— ... — Лавочник Сунь, застыв, медленно поднял голову и тут же перестал дышать.

Здоровяк был ростом почти два метра, с могучим телосложением и развитой мускулатурой. Глаза — как медные колокола, брови — густые и чёрные, а щёки и подбородок покрывала густая чёрная борода. Он опустил взгляд, и лавочник увидел его кулаки — размером с три паровые булочки.

«Если такой ударит, улетишь на несколько ли».

Абсолютное физическое превосходство создавало гнетущее ощущение.

С этим человеком лучше не связываться. Совсем не связываться!

Лавочник Сунь сглотнул. У него волосы на всём теле встали дыбом. Он больше не смел ругаться.

— Бей давай! — Здоровяк слегка наклонился, глядя на него сверху вниз. Его лицо было бесстрастным, только веки чуть опущены, а голос звучал холодно. — Что ж не бьёшь? Попробуй ударь.

«Как тут попробуешь? Попробуешь — и умрёшь. Я же не жить устал».

Окружающие смотрели на это с замиранием сердца.

<http://bllate.org/book/13701/1587812>